

У ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Книги Сергея Сезина
в серии «У Великой реки»

РЕКА СНОВ
РЕКА СНОВ. ЛЕС НА КРАЮ СВЕТА
РЕКА СНОВ. КОЛЬЦО ЗЕРКАЛ

У ВЕЛИКОЙ РЕКИ

СЕРГЕЙ СЕЗИН РЕКА СНОВ. КОЛЬЦО ЗЕРКАЛ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С28

Художник
М. Поповский

Сезин С. Ю.

С28 Река Снов. Кольцо зеркал: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 280 с.: ил. — (У Великой реки. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1832-9

Над Тверью догорает лето. Возможно, последнее в жизни мага Юрия. Он уже дважды нанес удары правой руке Зла — личу Ашмай. Впереди не только осень, но и третий поход в логово врага человечества. Удастся ли вернуться оттуда, кто знает.

Но присягнувший Свету должен бороться с Тьмой. Вперед, сквозь магическое кольцо зеркал, в цитадель Зла!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сезин С. Ю., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014
ISBN 978-5-9922-1832-9

Часть первая

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЗЕЛЕНОМУ МИРУ

Я плавал в зеленом море. Вообще-то я никогда не бывал на берегу моря, хотя и был слышан про него. Не довелось. А это зеленое море заполняло все вокруг. Но то была не вода, а как бы зеленый воздух. И я не плыл по поверхности зеленой воды, видя над собой воздух какого-либо цвета, а словно погрузился в глубины вод Великой реки, отчего-то сделавшихся зелеными. Но вокруг меня ни рыб, ни подводных растений. Мне не было нужды взмахивать руками и ногами. Чтобы передвигаться, достаточно просто захотеть — и я перемещался в то место, куда хотел. Пожелал — всплыл, пожелал — сдвинулся вправо. Что происходило со мной и отчего — мне было непонятно, поэтому я с трудом подбирал аналогию, доступную мне и хоть как-то похожую на то, что я испытывал. Но мне больше хотелось не ввысь или вниз, а вот туда, где зеленый свет был каким-то отличающимся от других мест.

Но своего тела я не ощущал в этом свете. Возможно, его совсем не было. Но я-то был. Или не был? Или я — это только моя мысль, отчего-то еще живущая здесь? И которую тянет вот сюда, на этот свет.

— Здравствуй, любимый!

Это голос Алины, он звучит оттуда, куда я смотрю и ничего не вижу.

— Здравствуй, жизнь моя! Но отчего я тебя не вижу?

— Это оттого, что нас нет. При этом мы есть.

— А где это мы, коли нас и нет, и мы есть?

— Там, за чертой.

— Я как-то иначе представлял себе все это.

— Ведь ты присягнул Свету — и умер, сражаясь против его врагов. А я умерла, когда почувствовала, что это произошло, потому что без тебя мне не хотелось жить, хотя я бы еще могла. Ведь в Убежище время над нами не властно.

— Я же умер раньше тебя, отчего же ты знаешь обо всем лучше, чем я?

— Милость Мирои. Это ее владения, Зеленый Свет. Все эти годы я молила богиню, чтобы она защитила тебя и Валерия. Но ты вышел на Свет Мардога, а там она не властна. Я вымолила у нее Зеленый Свет для нас с тобой. Свет Мардога — он другой. Там ты постоянно сражался бы за дело Света во всех возможных мирах и во всех временах. Я думаю, что ты был бы достоин этого Света, но ты был бы при этом далеко от меня.

— Жаль, что я не могу обнять тебя.

— Ничего, ведь мы рядом и даже можем проникать друг в друга гораздо теснее, чем когда-либо прежде.

— Расскажи еще, что ты знаешь об этом месте и нашем сейчас.

— Жрицы говорили мне, что посмертия разные. Те, кто нарушал законы богов и человеческие, уходят в преисподнюю, на поживу демонам. Там они ответят за все, что совершили. Те, кто жил только

для себя, — не получают посмертия. Они просто растворяются, как будто их и не было. Лишь от некоторых остаются скитающиеся тени, что летают и горько плачут над перекрестками дорог, гонимые ветром. Те, что удостоились милости богов, пребывают в Свете их.

Ведь люди не могут жить вечно. Это не дано людской природе. Лишь те, которые удостоены особой их милости, могут стать долговечной частью мира. Горой, рекой, звездой. Они долговечны, но не вечны. Но я не знаю, что нужно сделать, чтобы удостоиться такой чести. Жрицы этого не говорили. Они вообще вслух говорили мало, они общались тем, что в твоих книгах названо «мыслеречью». А сейчас немного подождем. Скоро сюда придет дочка. Ты ее всегда называл Анютой. А я — как принято у нас, Ана. Все же мы имена произносим по-разному. Пришлые и аборигены часто не любят друг друга. Но у нас получилось по-иному, чем у других. Ана с Масиком придут сюда, после того как поиграют. Они ведь тоже давно тебя не видели.

— Я скучал по ним.

— Знаешь, у нас в жизни получалось отчего-то так, что я любила говорить много, а ты совсем коротко. Но сейчас мне почему-то кажется, что мы разговаривали одинаково.

— Жаль, что Валерий остался один. Он отчего-то не хочет жениться и иметь детей, думая, что это непосильный труд — сидеть рядом с любимой женой, держа на коленях ребенка и слушая рассказ их про то, что происходило, когда он был на работе. Я уже даже стал думать, что нужно завоевать для него армийский трон, чтобы девушки сами кидались на него, не позволяя ему успеть уклониться.

— Это ты интересно придумал. Но ведь ему только двадцать четыре, а ты женился на мне в двадцать шесть. Может, он еще не встретил той, которая нужна ему.

— Быть может. Но если избегать девушек, как он сможет увидеть именно ту, которая нужна ему, и понять это?

— Я думаю, что нет. Когда ты приехал в замок к барону Иттену, впервые увидев тебя, я поняла, что ты — именно тот, кто рожден для меня. Только ты не сразу обратил на меня внимание.

— Да, не сразу. Ибо в замке барона была совершенно иная жизнь, чем та, к которой я привык, поэтому мне приходилось очень многое узнавать и ко многому привыкать. Поэтому мне было сложно сразу понять, что очень важно, а что не так уж.

— Баронесса Имри перед нашим отъездом говорила, когда оторвалась от бесконечных дрязг о наследстве, что ее муж совершил только два поступка, не посоветовавшись с ней. Это была охота на того дракона и решение взять на службу мага из пришедших.

— Иногда барон вел себя не как подкаблучник, поэтому Имри этого не понимала. Что же касается меня, я думаю, что ему понравилось, как я протрезвлял его с братцем на Нижегородской ярмарке.

— Наверное. Я помню, как ты регулярно ругался, что на каждый праздник к Иттену стало заваливаться вдвое больше гостей, чем раньше, и ты уже умучился их протрезвлять.

— Да, я ходил в гости к твоему отцу и жаловался ему на это между разговорами о старых временах и старых людях. А ты пряталась за шкафы или что-то

другое и смотрела на нас. А когда отец твой звал тебя, чтобы ты поднесла вина, ты делала вид, что тебя нет. Тогда он, ругаясь, вставал и сам приносил вино.

— Мне ведь было всего шестнадцать. Я только-только перестала мечтать о принце, который внезапно приедет в замок и увидит меня. И он должен был быть обязательно на белом коне!

— Бедная моя! Тебе достался муж, который предпочитал в одежде черный цвет белому. И не любил ездить на лошадях, а когда все же садился на лошадь, ему всегда доставалась вороная.

— Ах, это такие пустяки! Меня больше беспокоило то, что ты не выберешь меня, потому что я рыжая!

— И не рыжая, а золотоволосая!

— Ты всегда умел убедить меня всего лишь парой слов.

Мы так разговаривали — то по-вилларски, то переходили на русский и наслаждались встречей. Нам ведь так много хотелось друг другу сказать за годы, когда Алина была в Убежище.

Но нас прервало какое-то покашливание, прозвучавшее совершенно неожиданно с левой стороны. Я обернулся и увидел некое странное существо, словно сошедшее с баронского герба. На гербах ведь встречаются не только реальные звери вроде дракона или волка, но и смесь разных животных. Например, львиный леопард. Но бывает и хуже, типа этого существа. Голова вроде как лисья, а вот чья грудь у него — не разберу. Передние лапы птичьи, задние лапы и хвост — волчьи. Но лев там тоже как-то замешан, среди его предков. Смотришь на него — все одновременно и знакомое в нем, и не-

знакомое¹. Но как он здесь появился, в этом зеленом океане среди теней и лучей света? Он-то как раз не от мира этого, ибо не бесплотен. Или это какая-то галлюцинация?

Существо заговорило по-вилларски, однако с каким-то странным акцентом. Но, может, это не акцент, а просто так лисья глотка и язык воспроизводят человеческую речь.

— Вас ожидают там, Владеющий.

— Где и кто, о неясно чей посланец?

Что-то мы начали разговор почти дословной цитатой из известной трагедии «Герцог Осмунд». И в посмертии никак не скроешься от аборигенской литературы и аборигенской аристократии.

— Следуйте за мною, Владеющий.

И не успел я оглянуться, как зеленое море вокруг меня исчезло, а я оказался в затопленном Светом пространстве, словно опять ступил в купол Света храма Мардога. Зеленый мир Мирои остался где-то позади, и тень Алины там же. И я сам тоже продолжал оставаться бесплотным. Лишь память и мысль. Ну и зрение со слухом, ибо посланца богов я вижу и слышу. Никогда не читал и не слышал про именно такого посланца. Ох, а Анята и Масик так и не успели прийти, заигравшись где-то в зеленых пространствах! А я уже здесь!

— Не беспокойтесь, Владеющий, о моем имени, вы его многократно слышали, и оно очень близко вам. И даже чрезвычайно близко, хотя в последнее время вы стали вспоминать его реже. И мы еще встретимся, и даже на краткий миг будем составлять одно целое. Но я вынужден умолкнуть, ибо

¹ Геральдический зверь, именуемый «энфилдом».

время сказать об этом еще не пришло. Не горюйте об оставленном только что, это еще успеет вернуться к вам. Ступайте дальше по дороге Света, откуда вас случайно унесла вспышка Силы разрушенного алтаря. Вы не погасли.

Свет пронесся сквозь меня, и Свет Мардога сменился дневным светом. Я открыл глаза. Уже не глаза души, а именно свои. Свет немного ярковат для глаз, но ничего особенного, потерпеть можно. Я сижу, привалившись к чему-то за спиной. Впереди меня прибрежная полоска песка, а шагах в десяти — берег озера. Того самого, куда я шел и к которому вернулся. Сапоги запачканы бурой грязью. Между пятнами грязи другие бурые пятна — от той самой жидкости, которые на одежде надо замывать. А одна жена никак с себя их смыть не могла. В обеих руках кольты, и у обоих кольтов — затвор в заднем положении, на задержке. Куртка и жилет на груди порваны в двух местах. Пошевелил руками — острой боли нет, хотя усталость чувствуется. Ноги — то же самое, хотя еще неизвестно, пойдут ли они. Из-за пояса торчит «чекан». А откуда он у меня, я же его не брал в поход — ни свой старый, ни самарский.

А, вспомнил, я его с вампира снял, убитого возле озера! Дотянулся до кармана жилета, вытащил два запасных магазина, перезарядил пистолеты. Руки слушаются, но двух магазинов нет на местах. У меня было четыре запасных магазина, осталось только два. Может, я их в ранец засунул после израсходования патронов? Или я где-то спешно перезаряжал и магазины обронил, а поднимать некогда было? И глушителя нет на пистолете. Свой револь-

вер — в кобуре, заряжен, патроны к нему не тронуты. Нож и кол на месте.

Надо попробовать встать. Один кольт засунул в кобуру, оперся освободившейся рукой в землю и кое-как поднялся. А мне как-то странно легко, голова чуть-чуть кружится, в груди в двух местах больно. И между лопатками тоже. Но сердце не болит. А где же мой карабин? А нету. Ни на мне, ни рядом на земле. И ранца тоже, оттого мне и легко стало. Фляга на месте, а ранца и того, что к нему приторочено было, тоже нет. Ни баллона с газом, ни топорика, ни плащ-палатки.

А, баллон с газом я сам оставил, там, внизу, в подземелье замка. Вроде кусками начинаю вспоминать. Но где же я обронил карабин? Еще в замке или уже за порталом? Идти за ним или не рисковать? Жалко, карабин хороший, и привык я к нему. Засунул пальцы в разрывы куртки и жилета, ощупал. Кольчуга в глубине целая, крови на пальцах нет. Завел руку за спину и попробовал нащупать то больное место на спине. Пальцы наткнулись на обломок древка стрелы, дернул. Вытащил легко. Болеть не стало, на раскрошенном каменном наконечнике следов крови нет. Все поползновения аборигенов явно удержала кольчуга. Пошевелил лопатками, напрягая разные группы мышц, — больше не становится. Сплюнул — крови в слюне нет. Ладно, проехали. Куртке явно пришел конец. Теперь в ней весной и осенью только за дровами к сараю можно ходить, и желательно в полумраке, чтобы народу глаз не терзать. Два похода — и жизнь куртки завершилась.

Так, а что с Силой? Все нормально, Серп Восточного Ветра выдать могу. Значит, можно вернуть-

ся к portalу и поискать карабин. За портал идти — рисковать не буду. Нет, все же не пойду. Через портал может много чего интересного вылезти, и тех, кто здесь гуляет, отгоняя случайно забредших от него, может набежать тоже много. И надо вернуться к лагерю. Идти до него не так чтобы очень далеко, но по странному лесу. Надо бы побыстрее уйти из него. И кто его знает, как поведет себя Сила в озере и вокруг него после вмешательства в ее циркуляцию. Так что, как ни жалко карабина, — придется вновь взяться за энфилд.

— Славно!

А что это за голос зазвучал у меня в ушах? Откуда он? Я крутнулся, высматривая его источник, но никого вокруг не было. А, опять фокусы Не-мертвого, голоса из ниоткуда и писатели в кусте...

Лес оставался угрюмо молчащим и пустым, словно он затаился перед прыжком. Было уже явно за полдень, но мне отчего-то не хотелось доставать часы и глядеть на циферблат. Болела голова, но не сильно так, будто я долго сидел в закрытом помещении и копался в старых документах, усиленно отыскивая что-то важное. Но тут ситуация обратная, ибо воздуха вполне хватало. Я на всякий случай ощупал голову — нигде следов травм не было. А лекарства остались в ранце, в жилете только бинты и немного обезболивающего. Но я его пока приберегу, ибо потом оно может быть нужнее, чем сейчас. На ходу достал трофей, снятый с вампира, отбросил барабан — все патроны тут. Значит, я из него не стрелял. А вот слом защитного заклинания револьвер украсил — теперь в гладкой щечке рукоятки появился паукообразный рисунок красным цветом.

Давно я такого не видел, с сендерского похода. В костяных же рукоятках сломанное опасное заклинание дает рисунок зеленоватого цвета. Это новым владельцам часто не нравилось, и они просили снять щечки — дескать, все равно менять придется.

Ладно, воспоминания воспоминаниями, а надо быстрее двигать отсюда. Особенно от озера. Подорванный алтарь до взрыва откачивал естественную магическую энергию. А теперь что будет с управляющими заклинаниями, когда порвалась связь и, возможно, рухнул портал в тот замок? Не знаю, уж очень разнообразные итоги могут получиться. Один из них может быть и таким — выброс Силы в другие магические системы. Вот шла Сила в поддержание того заклинания умиротворения, которое предлагало сесть, отдохнуть и в воду ноги опустить на радость озерному чуду. А теперь с лишней порцией Силы заклинание валить с ног будет. Или убивать. А потому — быстрее из леса! Я лучше лишний километр по полю пробегу, чем узнаю, как может трансформироваться голос из можжевелевого куста в нехорошую сторону. Вот накликал! Ноги прямо к нему вынесли. «Зачем я написал эту книгу?!», «Кто летает выше крыши...».

Пойду от него на восток, к краю леса, как хотел. Что-то у меня к можжевелевым кустам предубеждение имеется, ибо их даже в Старом мире почитали как символ смерти.

А некоторые авторы, как и я теперь, подозревали в них еще худшее — к примеру, Заболоцкий, у которого куст можжевелевый проколол лирического героя «смертоносной иглой»...

Потому подальше от несчастного «летучего мыша» и просьб сломать ему ветку. Спрятал резерв-

ный кольт, а вместо него достал револьвер под сорок пятый калибр. Оставшейся гранаты нет. Зато всплыло из памяти надругательство над порталом на островке при помощи этой гранаты. Теперь от островка остались жалкие обрубки, свободно плавающие по воде и не закрепленные у берега. Пусть опоздавшие из леса поплавают, а гости оттуда поныряют, даже если сам портал работает без помех.

А в следующую секунду после этой мысли меня сбил с ног мощный удар в живот. Дыхание сбилось, и я лежал навзничь, судорожно хватая воздух ртом и никак не захватывая. Слава богам, сознания не потерял, хотя и офигел изрядно. Но кто это меня пнул? Никого вроде не было передо мной. Попытался встать, и тут же пуля вжикнула над головой. И выстрел уже слышен. Хорошо, что в животе так заболело, что не удержался и опять свалился, — оттого пуля меня и не задела. Плохо, что от боли встать не могу. Кто же в меня стрелял из-за того куста? И почему он не стреляет еще? Наверное, этот пенек меня от него прикрывает, потому он и стрелял, пока я шел или попытался встать. Замираю и лежу, только аккуратно ощупываю живот — что там у меня? Болит здорово — и просто так, и при прикосновении, — но горячей струйки на теле не ощущается. И слабость не накатывает. Что же там у меня? Гномы, у которых я покупал кольчугу, уверяли, что она удержит «чекановскую» пулю и кольтовскую тоже. Но, помолчав, сказали, что даже под непробитой кольчугой возможна отбивная из внутренностей. Лучше защищаться пластинами большой площади, тогда удар пули безопасно распространяется по жесткой пластине. Все это хорошо и правильно, только как не-гному таскать такой пластинчатый доспех гном-

ской работы? Не орк же я. Был бы орком или даже полуорком — тогда бы сил хватило. А противник молчит. Тоже ждет моего хода. Как бы его ущучить? Гранаты уже нет, что очень жаль. Так бы забросил ее туда, к нему в кусты, и сам кинулся после взрыва.

Или создать Щит и кинуться? Секунд двадцать я его удержу. Он один или два раза выстрелит, а дальше — три или два его выстрела против моих тринадцати. А можно и против шестнадцати. Но смогу ли я хоть встать, не говоря уже о рывке? И кровь может хлынуть, когда я распрямлюсь и вставать буду. Но если лежать тут навзничь и дальше, она и так может пойти. И враг что-то придумает. Или подмога ему подойдет. Надо давить боль заклинанием. Тогда хоть встану, а дальше увидим. А противник пусть думает, что я ранен и умираю, раз вновь не встаю. Если он, конечно, магии не чувствует издалека. А стонать не буду, хотя хочется: заклинание начнет работать секунд через десять. Легче будет. А пока погрызу лацкан куртки. Кто же этот гад, что меня подстрелил?

Секунд через пятнадцать боль ощутимо уменьшилась и перестала быть такой разлитой по всему животу. Сосредоточилась на одном месте — видно, там, где пуля в меня попала. Мать всех демонов, а это как раз под трофейным «чеканом»! Аккуратно сдвинул правую руку и начал водить вдоль торчащего за поясом револьвера. И пальцы наткнулись на горячий комок свинца, впилившийся в рамку револьвера чуть позади барабана! Будем жить! Так бы и заорал на радостях! Ибо вместо явно смертельной раны в живот — контузия! И рамка револьвера сработала вместо пластины в панцире, разбросав удар по площади!

Бей белых, пока не почернеют! Поставил щит и

распрявился, став на колени. Живот заболел, но от боли я не свалился, и обморочная слабость в голову не кинулась! А вот и эта сволочь! И правда — сволочь, живой труп в черно-сером плаще и с «чеканом» в руке! Его пуля ударяет в Щит и рикошетит. А я стрелять не буду — для него есть мое любимое заклинание, которому Щит не помеха! Будет Ивашка не только под простоквашкой, но еще и порционно! Серп рассекает вампира пополам на уровне пояса, и он, развалившись, падает. Следом падаю я — не удержался. От удара о землю заболело левое плечо. А теперь надо глянуть, что у меня там — совсем хорошо, или я на радостях переоценил свою удачу?

Живот хотя и здорово болит в ушибленном месте (и будет там жуткий синяк), но доску не напоминает. Удар разошелся по рамке и кольчуге, кишки от него не лопнули. Есть, конечно, риск внутреннего малого кровотечения, которое потом может стать большой проблемой. Пульс девяносто, что многовато, но это еще посмотрим. Язык не сухой. Вроде пока признаков разрыва внутренних органов нет, хотя с селезенкой не все так просто. Может быть, там подкапсульное кровоизлияние, которое сейчас не ощущается, а потом — увы... Так что надо ходить и поднимать тяжести аккуратно.

Я привел в порядок одежду и снаряжение и в несколько приемов встал. Глянем-ка на эту гадость. А гадость еще живая! Никогда не видел, чтобы перерубленный надвое вампир жил! Хотя с человеком такое может быть, правда ненадолго. Но в этой гадости еще и демоны сидят и сгнить не дают. Сейчас исправим недоделки. А напоследок его револьвер загоню ему в глаз и навалюсь, чтобы ствол прошел поглубже. Э, а не надо было этого делать — внутри-

брюшное давление вырастет. Ничего не случилось, правда, но лучше так не экспериментировать. Но не совать же ему «чекан» в задницу — там уже плоть сгнила, и остались одни кости. Наверное, этот тип из бывших военных. Вполне грамотно меня подкараулил и выцелил.

Теперь поковыляем дальше. Боль в животе не нарастает. Упасть в обморок не тянет, что вполне мною приветствуется. Значит, пока поживу. Сейчас бы костыль вроде той рябинки, что у меня на Самарской Луке была, но нечем ее вырубить. А будет ли такая палка валяться на земле — ну, погляжу, а завизжу — не побрезгую...

Еще надо проверить, не пострадал ли мочевого пузырь. Тоже очень важная вещь при ранении в живот и ударах в него. Насколько я помню, если нет задержки мочи — это хорошо, если есть — уже неприятный признак. Укрылся за елью и проверил. Беспокоиться не надо, никаких тебе задержек. Так что теперь подкашивающимися ногами вперед, к опушке леса. Ничего, вот выйду к опушке и не увижу за собой погони — потрачу еще Силы на живот и обезболивание. Лекарство тоже есть, но у всех обезболивающих лекарств есть хоть небольшой, но все же снотворный эффект. А вот его совсем не надо на марше, когда и так не здорово себя чувствуешь, а идти надо, хоть и хочется упасть и полежать. День клонится к закату.

Интересный был день. Сначала чудесный лес с ловушками и странностями, потом разговор самозванца с безязыким, дальше сердечный приступ, подрыв, после уже мало что помню, но что-то очень веселое и насыщенное, и под занавес — пуля в живот. Но день еще не погас, что-то может случиться

еще. А я точно могу быть уверен, что сейчас догорит именно тот день, когда я вышел из лагеря к лесу и озеру, а не следующий? Или уже наступило и догорит послезавтра? Насчет трех месяцев можно быть уверенным, что они не минули еще, а как насчет недели? Особенно с учетом зеленого мира Мирои?

На эти вопросы у меня нет ответа, кроме как «приду в Уржум и установлю в точности».

Никто меня не атаковал больше — ни в лесу, ни за лесом. Правда, я чуть не грохнулся в плохо заметную в сумерках рытвину, отчего пришлось подвесить шарик света и с ним тащиться дальше.

На стоянке какие-то твари побывали и даже нагадить успели. Скорее всего, какие-то некрупные звери. Поскольку было уже темно, я ограничился минимумом приготовлений. Развел небольшой костерок и чай поставил греться. Рыться в земле в поисках запасных пайков не стал. Это завтра. Дров было не так много, на всю ночь не хватит, ну и демон с этим. Пусть горит, сколько выйдет. На свернутую большую лодку кто-то поставил свой «знак», но вроде не драная. Мыть в темноте не хочется. Но есть кусок того материала, что в Казани из нефти делают. Он слегка пострадал от недержания гостей, но легко моется, да в этом и нет нужды, ибо непромокаем. Перевернул его результатом книзу — и на сегодня сойдет. А завтра помою все. Мешок с вещами чист и чуть сбоку малость продран. Что пострадало — разберемся утром. Пока использую как подушку. Мотора во тьме трогать пока не надо.

Поставил сторожки, чай выпил, на ночь принял обезболивающее лекарство и залег спать. Завтра будет трудный день, ибо все отодвинуто на завтра. Надо малую лодку выкопать, большую надуть, вниз

поплыть, и все это после пули в живот. Дошел я благополучно, так что пока все внутри меня тихо. Но вот спускаться на шесте по речке — этого живот может и не выдержать, как и таскания лодки бечевою. Вообще у меня еще должно остаться четыре рациона, а плыть двое суток с лишним, по моим предварительным расчетам. Значит, надо плыть медленнее. Но тут не угадаешь: медленнее поплывешь — живот выдержит, но можно встретить зверя или тварь и отбиваться от нее без карабина. Быстрее пойдешь — твари не встретишь, но не выдержит живот. Ладно, помучился от узости рамок бытия, теперь надо спать. Укрылся многострадальной курткой и залег.

А вот спать долго не дали. Некая тварь, в ночи ходящая «в рассуждении, чего бы покушать», оборвала сразу две линии сторожков. Пришлось срочно вставать и создавать подсветку. Да что здесь за затраханые лисы живут, что мне спать не дают и себе ищут на одно место приключений! И обеспечил я ей приключения. Правда, я не эльф, чтобы из пистолета не глядя попасть именно в место, ищущее приключений, но куда-то все-таки попал. Пострадавший лис долго подвывал, потом взвыл как-то траурно и замолк. Уж не знаю, что с ним там во тьме случилось — свалился в яму или его кто-то сожрал, — но больше он меня не беспокоил.

Я как-то после этого подумал о «песиках», пару которых сам подстрелил накануне визита в замок, но что уж поделать. Патроны с магической начинкой лежат в кармане жилета, но толку от них пока нет. Ладно, будем жить и бороться чем есть и с кем есть. На сем я продолжил прерванный процесс. Но до утра постоянно скидывался, стоило задремать

ненадолго. Оттого утром встал невыспавшийся и злой. Но некого было подстрелить и сорвать негодование за испорченную ночь.

Утро началось с отмывания обгаженной гостями лопатки и рытья земли в поисках запасов. Ибо если не дали поспать, то это надо компенсировать хоть полным желудком. Кстати, если это лисы наделали, то подстреленный ночью паршивец будет надлежащим воздаянием за все хорошее от них. А вообще это вполне возможно. Медведь бы накуролесил побольше. С учетом того, что я берег живот от нагрузок и все делал медленно и осторожно, сборы заняли почти полдня. Палатку гости загадили так, что я ее тут и оставил: нет сил ее в речке отмывать. Лодка, оставленная снаружи, сама не пострадала, но чехол кто-то погрыз. Запасные вещи в мешке остались нетронутыми. Мотор гостей не заинтересовал, закрытые запасы также. В общем, потери есть, но не очень портящие жизнь.

Живот немного болел — на нем красовался роскошный синяк, — но угрозы от полученной пули я не ощущал. Однако для страховки, потому что как ни береги себя, а работать все равно приходится, сделал бандаж на живот из запасной рубашки. Защитившим меня револьвером я решил пока не пользоваться — пусть Снорри с ним сначала поработает, нет ли каких-то повреждений в механизме. Поэтому я его разрядил и засунул поглубже. Даже если окажется, что он исправен, — повешу на стенку в кабинете как иллюстрацию к рассказам хозяйки на дома, то есть меня.

После обеда я затушил костер и попытался двигаться на лодке вниз по Забуйке. Сначала я рассчитывал попробовать спуститься самосплавом. Все же

груз немного уменьшился — вдруг эти пропавшие сантиметры осадки и дадут плыть хоть и медленно, но с комфортом.

Как бы не так! Не то уменьшение осадки было совсем мизерным, не то речка малость обмелела, но плыть, не прилагая никаких усилий, не получалось. Потому я вылез из лодки, поправил бандаж на животе и взялся за гуж. До вечера удалось пройти километров десять — двенадцать, и только последние километр-полтора я плыл в лодке, слегка помогая себе шестом. Движение с такой скоростью меня не радовало, ибо хотелось поскорее уйти из опасного окружения, но, с другой стороны, а чего лететь? Да, скорость не впечатляла, но я все же продвигался. А сильно рваться — есть опасность заработать кровотечение. Надеюсь, завтра буду двигаться уже в самой лодке, а не волоча ее за собой. Жаль, что речка совсем мелкая и на моторе по ней можно ходить только в районе устья. Поскольку я подозреваю, что уровень воды в ней начал падать, вообще включать его я не стану. Мотор будет для Буя.

Так что я остановился на берегу и стал варить себе суп из консервов на ужин. Поев, устроился на ночлег и стал размышлять о движении по рекам. Вроде как я не выбиваюсь из «графика», что обусловлен запасами еды.

Осталось километров десять — пятнадцать этой самой Забуйки, а дальше сорок Буя, два десятка Нократа и совсем немного Уржумки. И почти все по течению. И надеюсь, что только две ночевки в диких местах, включая и сегодняшнюю. Вечер был тихим, в речке иногда плескалась рыба, потрескивали дрова в костре. Я прихлебывал чай и наслаж-

дался покоем. Кто знает, как тихо будет сегодняшней ночью. Или здешние лисы опять устроят дебош и оргию разврата? Хотя нет, брачный период у них в марте, а в мае рождаются лисята. И вот тогда и позже мама с папой всю округу объедают, ловя деткам пищу. Я даже слышал, что если папа не вовремя откинется, то холостые лисы его охотно замещают и даже дерутся за право быть кормильцем семьи. Может, это они вчера дрались, а я поставил точку в их споре? Да, на старости лет чего только не вспомнишь из своей практики. Даже участие в образовании семейных пар у лисиц Казанского ханства. Я еще лежал, с улыбкой вспоминая разные смешные случаи из своей практики, потом пошел ставить сторожки.

Прилег на полуспущенную лодку и стал вспоминать, кто мне еще может доставить неудобство ночью проведением брачного сезона. Вроде как большинство животных уже должно даже детенышей принести. Могут очередной раз кошки. Но это домашние, а дикие тоже так, или им одного раза в год хватает? Увы, точно не помню. Зато вспомнил, что сейчас должен наступить брачный период у змей. Вот такого удовольствия точно не надо видеть, хотя змеи в период змеиных свадеб гораздо тише ведут себя, чем прочие животные. С лосем вообще не сравнишь. Жаль, что нет такой противозмеиной веревки, что мне давал Демьян Филин на Самарской Луке. А кстати, куда она делась? Где-то затерялась при сборах и переездах — то ли когда Филин все собирал и вез в гостиницу, то ли когда я сам вез добро в Тверь. Но вроде как она мне в Твери не попадалась. И чтобы не стать жертвой внезапной встречи с томимой любовным недугом змеей, я решил спать не снимая сапог и поставив еще одно кольцо сто-

рожков вокруг моей кровати, не исключая и со стороны воды. Ведь змеи плавают, а практика показала, что мои сапоги змеям не по зубам. Эльфийские сапоги легче и красивее, а иногда и магически защищены от износа, но там, где есть змеи, я предпочту тяжелые, но недоступные змеиному зубу яловые. Возможно, эльфов змеи не кусают, или они к змеиному яду невосприимчивы (а это не мешало бы уточнить), но я видел, как умирали люди, имевшие неосторожность наступить босой ногой на гадюку. Хотя что такое гадюка по сравнению с некоторыми чудесами астраханской фауны... Я даже помню одну старую аборигенскую балладу про рыцаря, ужаленного эгрентином. Бедняга растаял, как воск над огнем, и от него остались одни доспехи. Такая кара постигла его за детоубийство. Эгрентином и сейчас называют крупную змею в астраханской округе. Человек от ее укуса не тает, но если вовремя не оказать помощи, гангрена ноги обеспечена. Кстати, один из способов помочь — прижечь место укуса раскаленной золотой монетой. Что там в этом способе мешает лишиться ноги — не знаю, но способ работает. Есть и травы и магические способы помощи, но может сойти и такой.

Поразмышляв о змеях, я лег спать, однако спать мне не давали почти всю ночь. Какая-то гадость с интервалом в полчаса-час издавала звук, напоминающий смесь мяуканья и смеха. И каждый раз я просыпался. Что это было за чудо и чего оно этим добивалось — не знаю. Но звук был отвратительным и мигмом перебивающим сон. А мне про такое никто не рассказывал. Или местные знают, что это некая безобидная птичка так страдает от расстройства пищеварения, а оттого и не беспокоятся? Лад-

но, вернусь в Уржум и поспрашиваю еще. Только бы точно воспроизвести этот звук для экспертов.

Из-за ночного концерта я встал не менее злым, чем вчера. И утреннее великолепие меня не радовало, а хотелось совершить какое-то злобное деяние. Хоть кому-нибудь. Поскольку никаких вредных тварей в то утро не встретилось, пришлось перерабатывать злобу самостоятельно, ибо излить ее было не на кого.

И завтракать я не стал. Почему-то мне подумалось, что надо двигаться быстрее, не задерживаясь где-то лишний раз. Я не ощущал какой-то угрозы или беспокойства, но... лучше быть поближе к обжитым местам.

Рывку вперед способствовали и расчеты. Если очень быстро двинуться вперед, то имеется шанс еще до середины дня дойти до Буя. Дальше пойду на моторе и по течению. Если все будет складываться удачно, я окажусь перед выбором: ночевать у места впадения Буя в Нократ или рискнуть пройти по Нократу дальше.

Смысл этой дилеммы следующий. Есть возможность пройти буйский участок часов за пять. А дальше Нократ, с еще более сильным течением. То есть скорость моя будет еще выше. Оттого есть шанс проскочить за световой день и нократский участок пути. А потом — всего пять-шесть километров до города. Или я ночую опять в диком месте. Причем довольно далеко от города. Скорее всего, в устье Буя, потому что нократский участок для ночевки неудобен. Очень хочется побыстрее закончить этот речной переход. Потому и кажется, что если тратить минимум времени на себя, то можно ускорить движение. Уж больно это соблазнительно.

Но тут самое главное — не обольщаться иллюзией ВОЗМОЖНОГО быстрого движения. Тогда поступлю так: буду двигаться побыстрее без потерь времени на еду. Однако «поспешать медленно». Как только я увижу, что рывок не даст возможности до ночи дойти до Уржума, я приторможу и буду сидеть на берегу. Тогда уже можно будет поесть не торопясь и горячего. Даже если не посплю хорошо следующую ночь — можно отоспаться в Уржуме. Там уже можно отдыхать столько, сколько нужно. Кстати, можно будет и на тамошнего вампира поохотиться. Деньги лишними не бывают.

Оттого я шел, волоча за собой лодку. Час-полтора тащил ее на буксире за собой, потом вперемежку пользовался шестом и веслом. Тот самый мыс на слиянии Забуйки и Буя я увидел еще до полудня. Сейчас причалю и займусь моторными делами. Хватит веслом махать, пора плыть на двух лошадях. Поскольку именно столько их у меня в моторе.

Мотор чихал и кашлял, но все никак не выходил на устойчивый режим работы. Наконец я плюнул на это и поплыл по течению, решив попозже еще раз попытаться завести его. Исходя из своих отношений со сложными механизмами вроде «козлика» или этого мотора, а также водогрейной колонкой и иными вещами, которые сложнее по устройству, чем пистолет или винтовка, я пришел к философскому выводу, что с моим уровнем знаний и умений всегда нельзя понять, отчего механизмы не хотят работать. Оттого им нужно дать возможность отдохнуть от моих попыток и после перерыва попробовать снова. Тогда в большинстве случаев они поддаются. Я также подозреваю, что внутри металлических изделий тоже есть своя душа или какой-то

демон, управляющий ими, и он периодически артачится, оттого изделие не работает. Когда плохое настроение души или демона проходит, все становится на свои места. Конечно, в моей философии взаимодействия с железом есть много слабых мест, но мне не приходилось под огнем врагов заводить мотор и срочно удаляться из зоны огня. Если бы довелось, моя философия была бы малость другой. Впрочем, философия сильно зависит от рода занятий и того, делаешь ты что-то руками или нет. Потому знаменитые философы чаще обитают в уютных стенах академий и при дворах и себя физическим трудом не мучают. Хотя, кажется, был в старом мире один философ, бывший по специальности башмачником. Но я с его трудами не знаком и не знаю, содержались ли в них какие-то откровения. А то еще окажется, что он такой же философ, как его брат по ремеслу из Самары, переваливавший бремя расчетов с недовольными клиентами на подмастерьев.

Я с полчаса сплавлялся по течению, лишь слегка помогая себе веслом, а потом попытал счастья вновь. Демон мотора уже успокоился и не стал мешать мне. Мотор заработал ровно и хорошо. Какой-нибудь специалист в моторах сказал бы, что это произошло из-за того, что смесь в баке наконец взболталась, или какой-то поплавков встал в нужную позицию, а философ вроде меня объясняет это успокоением моторного демона. Каждому свое.

Так я и плыл по водам Буя, пока торжественно не наткнулся на сучок притопленного бревна. После чего меня ждало много всяческих приключений — вытаскивание лодки на берег, вылавливание утопших мешков, разведение костра, согревание себя и просушка вещей, ремонт пробитой секции... Хоро-

шо, что лодка имела три секции, а сучок пробил только одну. И то, что я дома додумался до цветных поплавков, прикрепляемых к вещам в лодке. Потому выловить утопшие мешки было проще. Но с этими приключениями я потерял много времени, и о рывке в сторону Уржума уже совершенно не стоило думать. Потому я начал готовиться к ночи и перестал мечтать о достижении городка уже сегодня. А потом глянул в закатные воды и увидел это.

Вниз по реке медленно плыл труп незнакомого мне животного. Оно как бы являлось помесью тигра и птицы. Только от птицы живность перьев не унаследовала, а передние лапы — да. Видел я только одну переднюю лапу, но вряд ли вторая передняя будет напоминать заднюю. По крайней мере, я еще не видел чуд, у которых три ноги одинаковые, а четвертая — особая. Шерсть от тигриной несколько отличалась большей густотой, и имелась, пожалуй, небольшая грива. Пасть была разинута, и из внушительных зубов торчал тонкий и длинный язык. Был ли хвост — этого я не видел. Зато имелась длинная рваная рана вдоль всего бока. Размером живность была с хорошую овцу.

Труп плыл по реке дальше, а я стоял, раздираемый мыслями. Мне хотелось тут же вскочить и, прыгнув в лодку, рвануть вниз, невзирая на еще не просохший как следует клей. Еще мне хотелось схватить котелок с готовящейся похлебкой и вылить его, чтобы кровь и прочее из этой твари не могли попасть в меня.

Впрочем, такие страсти бушевали только внутри меня и недолго. Паника — она еще никому не помогла и никого не спасла. Наоборот, в панике убегающий солдат — лучшая добыча для врага. И вы-

ливать похлебку тоже не стоит. Набрал воду я часа полтора назад. Вряд ли кровь животного так сильно обогнала своего хозяина в воде. Да и если эту тварь убили даже в километре от меня, ее кровь растворилась в том объеме воды, что течет в русле на этом километре. А это уже очень хорошее разведение. А реальнее — даже выше.

Но хорошо, что во фляжке вода набрана еще в Забуйке. Хватит переживать, и пора заняться едой. Жаль, что я не попал сегодня в Уржум. Значит, попаду завтра.

Вообще что-то зачастили у нас разные странные животные на основе тигра выводиться. То самое чудо, что наши спецназовцы расстреляли весной в засаде на поляне. К тому же выяснилось, что подобные твари в прошлом году появились еще в нескольких местах и были убиты тамошними специалистами по изведению чудовищ. Теперь вот эта. Они разные, но тигр везде замешан. Ох, весьма похоже, что делает их один колдун (слово «маг» неуместно), и связан он, понятно, с Не-мертвым.

Я ел горячую похлебку, но не переставал думать о другом. Ладно, ходит по земле один такой горе-демиург и как-то делает эти тигровые помеси. И вот сейчас одно такое существо выскочило из портала и нашло печальный конец. Но кто его так убил? Рана явно от мощной и когтистой лапы, а не от пули. А кто же это такое существо лапой так убить может? Даже не знаю такого из местного зверья. Медведь разве что, и то как-то сомнения берут. Дикий кот? В здешних местах есть коты-переростки вроде котов-манулов, которых разводит один ярославский оригинал-помещик, но... По всему выходит, что убила какая-то тварь из Дурных болот. Или тоже созданная го-

ре-демиургом. Оттого мне так и хочется поскорее оказаться в Уржуме. Ибо не исключен ее визит ко мне в гости на стоянку.

Кстати, о тиграх. Не водятся они ни в Казани, ни в Твери. То есть их могут использовать как матрицу для «эксперимента», только захватив в южных странах и перебросив сюда с помощью портала. Или взяв за основу доступного представителя кошачьих — полосатого домашнего кота. Цвет шкуры, естественно, не такой, но коль уж хватило Силы на столь значительную трансформацию, то хватит и на перекрашивание полосок. С учетом большого процента отбраковки котов надо ловить буквально дюжинами. А это уже говорит о промысле. Одно-го-двух полосатых Васек можно скрытно поймать и возле дома, а вот больше — надо уже засветиться. Так что надо будет по возвращении доложить о моей идее. Нельзя сказать, что она обязательно работает, но может. И тайный тверской резидент, расспрашивающий даже в аборигенском баронстве, не проходил ли тут некий тип, покупавший полосатых кошек, ничем особо не рискует. Так, обыкновенная кабацкая болтовня о способах разбогатеть. Есть, правда, одна сложность — коты считаются невосприимчивыми к магии. Но... это может касаться только мелкой сошки вроде меня, а для Великих — уже проблемы нет. Ладно, потом. Все потом. Сейчас — похлебка и чай.

А мысли вились вокруг пути. Сколько мне еще осталось? А километров пятнадцать Буя и дальше. Только в канистре уже половина. Вроде должно было быть больше. И с полбака еще. Значит, надо заправиться близ устья Буя и второй раз на Нократе. На следующий раз уже не хватит. Ну что ж, ста-

нем сплавляться. А пока помою посуду и начну готовиться ко сну. Надеюсь, здесь уже не будет каких-то озабоченных животных, которым ночью меня понадобится будить.

И они здесь нашлись. Вот и верь рассказам зоологов про сроки сезонов размножения у животных! У меня такое впечатление, что всему местному зверью приспичило прибыть поближе к моей стоянке и заняться делом — кто пытался размножиться, а кто воспользоваться этим и славно покушать. Там явно были зайцы, лисы, нечто вроде оленей. И еще ряд животных, оставшихся нераспознанными. Ах да, какие-то кошки там тоже были. К сожалению, стрельба не помогла. Два патрона были истрачены бестолково, не прекратив разных звуков из леса.

Устав от такого времяпрепровождения, я даже подумал, что это не реальное событие, а результат козней Ашмаи, который так мстит мне за удачную диверсию. Сначала я горестно подумал так, потом захихикал от подобного способа мести, а затем осознал, что сермяжная правда в этой мысли все же присутствует. Могущественный колдун так мстить не будет, но это могло произойти из-за вмешательства в магические потоки близ озера. Ашмаи воспользовался существующими там источниками и течением Силы, встроив свой алтарь и всякое другое в их структуру. Я же как-то нарушил сложившийся круговорот Силы. А вот теперь он пытается восстановиться. И иногда дает какие-то аномалии. Неконтролируемый выброс Силы — и зверье слегка сходит с ума. Гм. А не появился ли вот этот тигроптиц в результате магического выброса?

Час от часу не легче! Не получится ли вместо озера еще одно Дурное болото, из которого будут пол-

эти всякие гады и лететь ядохлювы? Тут я от осознания этого несколько минут поминал двенадцать апостолов и сорок мучеников в компании с архистратигом Михаилом и всякими непристойностями. После чего очередной раз устыдился использования символов бабушкиной веры в качестве ругательств. Увы. Но хоть до Девы Марии я не дошел и удержался от ее упоминания в таком контексте. Не дело мужчине гадости о женщинах рассказывать. Звери в кустах малость притихли, а я попробовал задремать. И неожиданно получилось, пока звери собирались с силами. Но спал я недолго, ибо через полтора часа проснулся и больше не смог. Вот незадача-то: третьи сутки выспаться не могу, а заснул — и ненадолго.

И я лежал и пытался вспомнить, что мне снилось в этом недолгом сне, и так ничего и не вспомнил, хотя сновидения какие-то были. Потерпев поражение в борьбе с потерей памяти, я продолжал лежать и ждал рассвета. Потом поднялось солнце в той стороне, куда я сейчас должен был плыть, а меня начало клонить в сон. Собственно, это со мной не раз бывало раньше, и я всегда с большим удовольствием досыпал. Но сейчас лучше двигаться вперед. Завтракать я не стал, чтобы не терять времени, а максимально быстро собрал пожитки и отплыл. Вчерашняя заплата держалась надежно, и я запустил мотор.

Первая заправка была в устье Буя. Я втайне рассчитывал, что там кто-нибудь рыбачит, но — не судьба. Потому залил смесь в бак — и опять в путь. На Нократе течение было сильнее, чем на Бую, потому я, не имея свежего опыта судоходства на такой реке, очень беспокоился, смогу ли управляться.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЗЕЛЕНОМУ МИРУ	5
Часть вторая. КРАСКИ ПОСЛЕДНЕГО ЛЕТА.	109
<i>Эпилог</i>	268